ПЛАНОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В ВОЕННОМ ХОЗЯЙСТВЕ ГЕРМАНИИ

(1914 — 1918 г.г.)

Экономическая политика буржуазного государства во всех ее исторически многообразных формах не богата опытом, который мог бы быть перенесен и использован в процессе развертывания нашего планового строительства. Возврат к протекционистской политике на новой империалистической основе, возвещенный эпохой монополистического капитализма, не изменили существа, принципиальной природы экономической политики буржуазии. И сейчас экономическая политика буржуазного государства не меняет своего основного содержания — сохранения и укрепления *существующей* хозяйственной системы, приспособления к ее запросам всего вспомогательного аппарата государства.

Но история последнего десятилетия капитализма, эпоха мировой войны, как бы заставляет нас внести существенный корректив в эту оценку буржуазной экономической политики. В самом деле, чудовищный механизм мировой войны придал такую могущественную силу государству, перед которой, по выражению Бухарина, гоббсовский Левиафан оказался бы щенком. Степень срастания буржуазного государства, его аппарата, с самой экономической основой общества и дала основание для характеристики этой эпохи, как стадии государственного капитализма. В частности и в особенности, опыт хозяйственной организации Германии в эпоху мировой войны лег в основу весьма распространенной в послевоенной экономической литературе концепции «единого народно-хозяйственного треста». При этом организованному воздействию государства на хозяйство страны приписывается устранение анархии производства в национальных пределах. Народное хозяйство, сплоченное экономической политикой государства в единый трест, как бы изживает противоречия, связанные с товарной, стихийной структурой хозяйства; царство стихии выносится за границы государственно-капиталистического хозяйства, сохраняется лишь в сфере мирового хозяйства, мирохозяйственных отношений.

Совершенно очевидно глубокое принципиальное изменение экономической политики государства при намеченной оценке монополистического хозяйства. В таком случае значение экономической политики об'ективно уже перерастает рамки, отведенные ему в товарно-капита-

листическом хозяйстве, приближается к плановому строительству социалистического хозяйства.

Опыт военной организации хозяйства Германии, который мы попытаемся подвергнуть рассмотрению, с этой точки зрения представляет наибольший интерес. Об'ективные условия мировой войны, конфигурация сил, поставившая Германию в условия блокады, отрезавшая ее от мирового хозяйства, создала специфически-благоприятную обстановку для усиления позиций государства. Исторически Германия, больше чем какая-либо другая из воюющих стран, была подготовлена к плановому вмешательству государства как по степени концентрации хозяйства, по силе монополистических форм, так и по отсутствию фритредерских традиций в среде буржуазии. С другой стороны, может быть, нигде больше, чем в Германии, военная система хозяйства не была переоценена, как переход к новой эпохе, как эра «военного социализма» и т. п.

Так как военное хозяйство Германии, несмотря на. обилие современной ему литературы по общим и специальным вопросам [1]), до сих пор еще не подвергалось конкретному анализу с марксистской точки зрения, нам придется восстановить здесь основной фактический материал, разумеется, лишь в наиболее важных частях.

Прежде всего следует отметить неожиданность развернувшихся в военном хозяйстве Германии мероприятий для самого суб'екта регулирования — для государства.

Руководящие правительственные круги Германии отнюдь не были подготовлены к навязанной им войною роли «хозяйственного разума» страны. Более того, даже относительно элементарная хозяйственная подготовка к войне была довольно слаба. В течение второго десятилетия XX века, когда в воздухе уже явственно пахло войною, в теоретико-экономической литературе все чаще стали производиться рекогносцировки к предстоящим военно-хозяйственным событиям. «Финансовая мобилизация» стала частой темой научных работ экономистов [2]). Но постановка проблемы подготовки к войне не выходила еще за рамки финансово-денежной мобилизации, организации банкового и финансового аппарата государства на случай неизбежной паники в первые дни войны, а также вопросов техники финансирования войны. Мы не будем здесь останавливаться подробнее на сложном сплетении политических, стратегических и проч. мотивов, вызвавших такую, несколько странную, на фоне общей милитаризации, беспечность к проблемам экономики войны [3]).

Уже первые шаги в области мобилизации хозяйства, сделанные по почину Ратенау военно-сырьевым комитетом, неизбежно должны были

---

[1]) Кроме повременной литературы, существует более двухсот названий посвященных этому вопросу работ лишь на немецком языке.

[2]) Сошлемся хотя бы на две известнейшие работы: Riesser. Finanzielle Kriegsbereitschaft und Kriegsführung. Iena, 1913 г. D-r Voelcker. Die deutsche Volksvirtschaft im Kriegsfalle. 1908.

[3]) Данные о проектах хозяйственной мобилизации, отвергнутых министерством внутренних дел из соображений предосторожности, приведены в статье Артура Дакса: „Хозяйственная мобилизация Германии“, Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik, III F., B. 149.

направить хозяйственную политику государства на рельсы планового регулирования. Как известно из брошюры Ратенау [1]), описывающей первый период деятельности этого комитета, а также из других произведений, посвященных военному хозяйству Германии, первоначально задачи этого комитета сводились лишь к узкому заданию — мобилизации наличного в стране промышленного сырья. Но уже эта конкретная задача потребовала большой подготовительной плановой работы. За полным отсутствием производственной статистики, пришлось «кустарным способом» собрать анкету от поставщиков военного ведомства о наличных у них запасах промышленного сырья и потребностях на ближайшее время. Главным методом в этой учетной работе послужила экстраполяция данных этой выборочной анкеты, охватившей свыше ста сравнительно мощных предприятий, на остальные отрасли промышленности. Уже эта работа по учету ресурсов и потребностей страны в народнохозяйственном масштабе, несмотря на всю ее примитивность, носила в зародыше плановое, регулирующее вмешательство государства в хозяйственную жизнь. Ибо она была подготовкой к распределению сырья в соответствии с военными потребностями, учету производственных возможностей, к составлению баланса потребления и производства промышленности. А для этого, совершенно очевидно, необходим был плановый расчет потребностей, ограничение хозяйственной свободы отдельных предприятий, словом, плановое регулирование, принципиально чуждое нормальному капиталистическому хозяйству.

На путь планирования государство Германии устремилось под давлением мощных об'ективных условий. Отрезанное от внешнего мира, хозяйство Германии лишилось существеннейшего корректива и регулятора — мировой конкуренции и действия закона мирового разделения труда. Уже это одно условие настоятельно требовало вмешательства государства. Необходимо было совершить приспособление народно-хозяйственного организма к этому полуизолированному состоянию и совершить его притом в специфических условиях нужды и нехваток. Отрезанное от мирового рынка хозяйство Германии лишилось не только регулирующей опоры, но и питательных соков — сырья, продовольствия, необходимых для его нормального существования. Но значение этого обстоятельства — выпадения жизненно-необходимого ввоза — удесятеряется, колоссально усиливается, благодаря необычайным потребностям войны. Только подавление потребностей мирного населения, жесточайшая экономия в потреблении запасов, постоянное лавирование между наиболее ударными и настоятельными нуждами, сделали возможным справиться с этой задачей. Государство, как потребитель, теоретически говоря, могло бороться за покрытие своих (т.-е. военных) потребностей на рынке, в качестве покупателя, в свободной конкурентной борьбе. Собственно, именно этот способ снабжения армии, помимо продукции фискальных государственных предприятий,

---

[1]) Rathenau, Walter. Deutschlands Rohstoffversorgung. Berlin, 1916 г. Для большинства немецких работ о военном хозяйстве эта брошюра служит первоисточником.

т.-е., главным образом, закупочная деятельность интендантств на вольном рынке, и остался в виде опыта военного хозяйствования в прежней войны. Неизбежные в военных условиях реквизиции и конфискации частного имущества до сих пор рассматривались все же лишь как исключение, а не как система покрытия военных потребностей. Но именно современная война обнаружила, что свободная борьба рыночных сил неспособна разрешить задачу, стоявшую перед капиталистическим хозяйством — удовлетворение потребностей его военного аппарата. Стихийный регулятор — погоня за максимальной прибылью — стоял в резком противоречии к задаче экономии и растягивания запасов на возможно дольший срок. Интересы рентабельности далеко не всегда шли в ногу с задачами перестройки и приспособления хозяйства к военным условиям. Легко себе представить ту бешеную спекуляцию и хищническое расточение ограниченных запасов сырья, которое расцвело бы при оставлении свободного оборота в этой области. Даже крупнейшие монополистические предприятия, уже достигшие унификации производственного и торгового аппаратов, все же в качестве участников торгового рыночного оборота не преминули бы использовать благоприятную кон'юнктуру и заполучить свою долю спекулятивной прибыли. Лишь вмешательство государства могло поставить пределы лихорадочному экспорту промышленного сырья и изделий в нейтральные страны, сулившему огромные прибыли благодаря низкому уровню германской валюты и общему товарному голоду на мировом рынке. Противоречивые интересы отдельных групп и лиц в капиталистическом хозяйстве сталкивались, таким образом, враждебно с интересами капиталистического общества в целом, ради которых велась война. Вмешаться в эту борьбу, подчинить индивидуальные интересы задаче сохранения капиталистического хозяйства в целом могло лишь государство, как высший сознательный орган классового общества [1]). Задачи, поставленные войной перед капиталистической хозяйственной системой, оказались ей не по плечу. Разрешение их требовало работы, сосредоточенной в руках единого центра, основанной на строгом расчете и учете, требовало планового регулирования хозяйства.

Единая руководящая *цель* отсутствует в процессе развития капиталистического хозяйства, ибо цели отдельных разрозненных товаропроизводителей — извлечение максимума прибыли, лишь посредственно, косвенным путем воплощают в себе имманентное стремление к развитию производительных сил общества. В противоположность этому чистокаузальному принципу развития, война поставила перед капиталистическим хозяйством определенные целевые проблемы. Телеология военного хозяйства — покрытие потребностей войны во что бы то ни стало, любой ценой разорения и падения производительных сил, не могла уложиться в рамки обычного, стихийного, нерегулированного хозяйства.

«Мнимая сила и крепость капитализма вызвана как раз тем основным свойством военного хозяйства, которое прямо противоположно капиталистическим принципам; капитализм обязан этим невероятно усилившемуся регулирующему влиянию государства», —

[1]) Бухарин. Экономика переходного периода, стр. 19.

совершенно справедливо отмечает Е. Варга в полемике против апологетических восторгов Г. Кунова по поводу неожиданной крепости и эластичности, якобы обнаруженной капитализмом в мировой войне [1]).

Но эта же противоречивость военного хозяйства, внедрение новых, сознательно-плановых начал в сохранившее свою социальную, капиталистическо-классовую структуру хозяйство, послужило причиной бесконечных противоречий и шатаний в системе государственного регулирования хозяйства Германии. Для планового учета представляли колоссальные трудности прежде всего самые потребности войны, породившие планирование в рамках капитализма. В основе всякого хозяйственного плана необходимо должны быть даны три основных исходных момента: 1) наличные запасы и фонды хозяйства, 2) вероятные потребности и 3) срок, для которого эти факторы должны быть сбалансированы. Из этих трех моментов два вторых оставались неизвестными именно благодаря специфическим военным условиям. На примере организации сырьевого хозяйства, описанной преемником Ратенау по военно-сырьевому комитету, доктором Кэт (Köth), можно проследить действие этих условий. Приведем основные факты [2]). После первого периода хаотической мобилизации и подготовительно-организационной работы в сырьевом хозяйстве, длившегося, примерно, до весны 1915 г., государственные органы убедились в необходимости разработки плана и планомерного распределения сырья. Надежды на скорое окончание войны рассеялись. Всякие возможности получения сырья извне были сведены до ничтожного минимума. Как можно было строить хозяйственный план в этих условиях?

В основу планового расчета была положена следующая формула:

$$D\text{ — сроки в месяцах} = \frac{M\text{ — мобильные запасы}}{V\text{ — месячное потребление.}\quad Z\text{ — месячный прирост.}}$$

Прежде всего нужно было установить размеры M, V, Z. Это можно было сделать планомерно лишь на основе более или менее достоверной статистики. Установить «мобильные запасы», т.-е. массы сырья, которые можно было собрать путем секвестра, закупки, ввоза из оккупированных областей, было сравнительно легко. Несравненно больше трудностей представляло установление размеров месячного потребления. Нужно было проводить строгое различие между мирными и военными потребностями. Что касается первых, т.-е. потребностей мирного населения. то с ними обходились весьма бесцеремонно. Индустрии, работавшей на мирное потребление, просто отводился определенный остаток сырья и предлагалось довольствоваться этим запасом и располагать им по своему усмотрению. Военные же потребности удавалось подвергнуть учету лишь с большим трудом, так как потребитель — военное ведомство — в свою очередь находился целиком во власти военных условий

---

[1]) „Neue Zeit" 1915 г. 33 Jahrgang. B. I. SS 458, 459. E. Warga. Problemen der Kriegswirtschaft", а также „Neue Zeit". 32 Jahrgang, S. 923.

[2]) „Handbuch der Politik", B. II, SS. 227—235.

(прежде всего состояние снабжения противника, исход отдельных кампаний, географические, военно-технические и проч. условия). Установление цифры ежемесячного прироста сырьевых фондов, поскольку речь шла о производстве внутри страны, наталкивалось, по существу, уже на проблему производственного регулирования. Таким образом, уже в этой стадии плановой работы выяснилось с полной очевидностью, что проблема планового распределения сырья неизбежно перерастает в более широкую проблему общего производственного плана, баланса народного хозяйства. Но об этом ниже.

Полученные на основе описанной формулы данные требовали больших страховочных коэффициентов и давали весьма пеструю картину по отдельным отраслям производства. Но весь план производства и потребления сырья имел смысл лишь при расчете его на вполне определенный срок — до окончания войны. Военная и политическая обстановка же складывалась таким образом, что государство не в состоянии было установить какие бы то ни было твердые сроки войны. Приходилось устроить план снабжения и рассчитывать на войну неопределенной, необозримой (unabsehbare) продолжительности. Парадоксальность положения заключалась в том, что строить баланс войны с неизвестной продолжительностью можно было лишь на основе плана снабжения, рассчитанного на какой-либо определенный отрезок времени. Лишь введя такой гипотетический ключ, условный срок, можно было разрешить эту задачу построения плана, в котором один из основных моментов оставался неизвестной, неопределенной величиной. При этом приходилось балансировать буквально на острие ножа, — если с одной стороны возникала опасность оптимистического сокращения срока войны, то, с другой стороны, переоценка его и соответственное сужение ежемесячных расходов создавало опасности уменьшения боеспособности армии. В этих условиях первоначально хозяйственный план был рассчитан с 1 января 1916 г. на три года вперед. Но военные условия не давали этому плану осесть и воплотиться в жизнь. «Война представляла мир неожиданностей и для сырьевого хозяйства» — меланхолически замечает Кэт. С каждой переменой в военном положении менялись цифры потребностей. Предварительные расчеты постоянно оказывались опрокинутыми ходом событий. Расхождение между составляемыми на основе описанной формулы проверочными коэффициентами и фактическим расходом сырья все труднее и труднее становилось сбалансировать. Программа Гинденбурга (1916 г.), пред'явившая колоссальные запросы к хозяйству страны, похоронила этот первоначальный вариант плана. Вопрос о том, можно ли предсказать к определенному сроку конец войны, все время встречал отрицательный ответ со стороны военных властей.

Таким образом, специфические особенности военных условий создавали колоссальные затруднения для планового регулирования хозяйства. А необходимость считаться с постоянным падением производства столь важных, основных видов сырья, как уголь и железо (в последний период военного хозяйства) делала весьма неопределенной и первую компоненту уравнения, на основе которой строился план — размеры наличных запасов сырья в стране.

* * *

Мы остановились на специфических трудностях, которые создавались для построения хозяйственного плана в этом отдельном секторе народного хозяйства Германии, с той целью, чтобы ярче оттенить своеобразные условия, в которых протекала единственная в своем роде попытка планового регулирования в рамках капиталистической системы. Но было бы ошибочно проглядеть за этими специфически-военными моментами в опыте планирования *принципиальные проблемы,* неизбежно возникающие при самой постановке вопроса о плане в рамках стихийного, товарно-капиталистического хозяйства. Между тем, именно эти проблемы и представляют для нас главный интерес при оценке опыта планового строительства, оставленного нам эпохой мировой войны.

В заслужившей печальную славу брошюре «Социал-демократические заметки о переходном хозяйстве» Каутский отмечает:

> «Буржуазная государственная власть никогда не освободится от респекта к частной собственности на орудия производства. Поэтому она, по мере возможности, избегает такого вмешательства в хозяйственную жизнь, которое поставило бы под угрозу эту частную собственность или ограничило бы для нее возможности извлечения прибыли. Но государственное регулирование производства требует овладения средствами производства со стороны государства. Если буржуазное государство оказывается вынужденным вмешаться в хозяйственную жизнь, то оно предпочитает взяться за регулирование товарного обращения, а не товарного производства, и притом таким способом, который не урезывал бы получаемой капиталистами прибыли. Но при частном производстве обмен представляет собой достаточно неуловимое построение (queqsilberne Gebäude), для овладения которым неповоротливое бюрократическое государство весьма мало приспособлено. Оно смогло бы регулировать уже организованное в настоящее время крупное производство и отсюда было бы гораздо легче достижимо и регулирование обмена. Обратный путь бесконечно сложнее и ведет легко к ошибкам. Нам приходится сейчас переживать последствия той непролазной тины распоряжений и мероприятий, в которую нас запутала военная система регулирования благодаря ее трепету перед частным производителем».

И, действительно, прокламировав в первых же распоряжениях о твердых ценах свое стремление по возможности воздерживаться от ограничения свободы хозяйственной деятельности [1]), правительство шло на радикальные мероприятия в области хозяйства весьма неохотно. Так, критика единодушно отмечает запоздание и нерешительность мероприятий правительства в области продовольствия и политики цен [2]).

---

[1]) См. официальные материалы: Denkschrift der Regierung über wirtschaftliche Massnahmen aus Anlass des Krieges (№ 26).

[2]) См. статьи: E. Lederer. Archiv für Sozialwissenschaft. Bd. 40, 1915, стр. 118. Eulenburg, Franz. Schmollers Jahrbücher..... То же отмечает и Dix в своей книге „Kriegswirtschaft und Wirtschaftskrieg"; затем, Sering Die deutsche Volkswirtschaft während des Krieges, 1914/15 г.

К регулированию производства государство пришло лишь обходным путем, через разрозненные попытки воздействовать на обращение товаров и ценообразование [1]). Это признает даже орган, который не может быть заподозрен в слабой защите интересов индустрии: описывая мероприятия правительства в первый год войны, орган об'единенного совета промышленности [2]) заявляет:

«Все это... лишь слабые намеки на организацию производства; закон о максимальных ценах дал правительству с самого же начала войны возможность косвенной организации производства» [3]).

Щадя интересы частных предпринимателей, государство вынуждено было лавировать между давлением военной машины и устремлениями торгового и промышленного капитала. Примером такого маневрирования государства может послужить система секвестра (Beschlagnahme), игравшая чрезвычайно важную роль в военном хозяйстве. Тончайшие юридические исследования и манипуляции не смогли найти точной рубрики для этого нового понятия, и оно так и осталось витать между царствами публичного и частного права, разграниченными незыблемостью буржуазной частной собственности. Новизна этого понятия секвестра заключалась в следующем. Оно отличалось от обычной военной реквизиции тем, что секвестр не был связан с отчуждением, переменой владения. Секвестрированные на этих основаниях сырье и орудия производства не переходили в собственность государства. Собственник этих благ оставался в правах владения. Но его свобода распоряжаться своим имуществом подвергалась ограничению, вернее, переходила в руки государства. Пользование и потребление секвестрированного имущества зависели от указаний государственных органов, и для его демобилизации, освобождения для мирного потребления, требовалось особое разрешение военных властей. Таким образом, государство, лавируя между Сциллой священной частной собственности и Харибдой военных нужд, выполняло свои задачи регулирования производства и распределения при формальном сохранения частного владения на средства производства и продукты его. Последствия половинчатого

---

[1]) „Даже там, где государственное регулирование шло особенно далеко— в хлебоснабжении, произошла лишь монополизация торговли, а не производства. Все наличное зерно секвестрируется государством и им же распределяется, но самое зерновое производство остается делом отдельных сельских хозяев. Наличные запасы распределяются государством, но не производятся им". Diehl, Karl. Deutschland, als geschlossener Handelsstaat, 1917 г.

[2]) „Mittei ungen des Kriegsausschusses der deutschen Industrie", 1915 г..

[3]) Диль подчеркивает: не производство, а только лишь торговля и распределение „подверглись регулированию государства, и то лишь частично, в области определенных продуктов, а именно, сырья и продовольствия. Из этой заложенной в самой сущности мероприятий половинчатости и возникают огромные трудности при их осуществлении. Государство должно регулировать потребление, распределение продуктов, не имея влияния на их производство. Государство должно было заботиться о том, чтобы каждый гражданин имел необходимое количество муки, масла, молока, зерна и т. д., но производство этих продуктов попрежнему было предоставлено свободному распоряжению отдельного хозяина, либо же ограничено лишь в частных случаях". Цит. произв., стр. 15.

характера и слабости этого компромиссного решения проблемы несли на себе обе стороны. Для государства система секвестра с оставлением имущества в руках его формального владельца требовала больших затрат сил и средств для наблюдения за тем, чтобы сырье и средства производства потреблялись соответственно их военному назначению. Для товаровладельцев сохранение фикции собственности связано было с непроизводительными, т.-е. неприносящими прибыли, затратами на хранение товара или имущества, перевозку его и т. д. Наивысшего пункта это противоречие между частной собственностью на продукты и средства производства и *общественным* распоряжением ими достигло в сельском хозяйстве. Здесь, в отличие от индустрии, государственное регулирование захватывало лишь самое конечное звено хозяйственного процесса — обмен, сбыт товаров, и поэтому, естественно, противоречивость системы здесь должна была обостриться. Мы еще вернемся ниже к этой проблеме сельского хозяйства при плановом регулировании. Факт тот, что вся система в целом отнюдь не способствовала созданию ясности и упрощению сложной работы по плановому снабжению сырьем, регулированию производства и потребления. Решение проблемы, очевидно, лежало на пути создания естественной, основной предпосылки планового, сознательно регулируемого хозяйства, обобществления средств производства. Но такой «скачок» из капиталистического царства свободы в царство «принудительного хозяйства» отнюдь не лежал в поле зрения суб'ектов военного хозяйства; меньше всего, конечно, это входило в расчеты юнкерско-монархического государства Германии.

* * *

Своеобразные особенности военного хозяйства со стороны социальной структуры экономически глубоко отражались на характере и путях развития планового регулирования в Германии.

Самое понятие планового хозяйства sui generis предполагает наличие у его осуществителей заранее продуманной, ясно поставленной цели. Суб'ект планирования в военном хозяйстве Германии, правительство, однако, вступило на путь создания хозяйственного плана отнюдь не добровольно. Жесткие тиски военной необходимости заставили его преодолеть уважение к свободной игре хозяйственной жизни и взяться за новую роль хозяйственного руководителя. И это давление военных условий придает своеобразный характер хозяйственной политике государства. Собственно, впереди идет не плановый расчет и сознательное предвидение, а милитаризация хозяйственной жизни. Война, потребности военного аппарата отхватывают у нормальной хозяйственной жизни все большие и большие области, требования, пред'являемые к народному хозяйству, непрерывно и колоссально растут. Плановая деятельность государства спешит догнать эти требования, правительство строит свой план уже post factum, после того, как всемогущий военный аппарат продиктовал свою волю и уже начал приводить ее в исполнение. Не говоря уже о первом периоде, когда давление военных потребностей непосредственно *порождало* плановое

хозяйство, когда план еще находился в процессе становления, и в последние два года войны, когда развитие военной системы уже достигло своего кульминационного пункта, события сохраняют ту же последовательность.

Когда военная программа Гинденбурга начала проводиться в жизнь, старые планы хозяйственных органов были выброшены за борт [1]). Лишь затем, в процессе выполнения этой программы (суть ее заключалась в колоссальном увеличении снабжения оружием для того, чтобы любой ценой дать отпор противникам, силы которых были подкреплены вступлением Америки в войну), регулирующим хозяйственным органам пришлось спешно строить и перестраивать свои планы на фоне уже разразившегося угольного и железного голода, свертывания предприятий, милитаризации рабочей силы.

Аппарат, призванный строить плановое хозяйство в Германии, носит на себе отпечаток тех своеобразных условий, в которых оно зародилось. Собственно, до весны 1916 г., до учреждения специального хозяйственного органа — военного управления (Kriegsamt), единый орган регулирования в Германии отсутствовал. Отдельные области работы были раздроблены между департаментами прусского военного министерства, всеимперского министерства внутренних дел и других «гражданских» министерств (торговли и промышленности, сельского хозяйства [2]). Сырьевое хозяйство было сосредоточено, как уже указывалось выше, в прусском военном министерстве; вся область продовольствия была подведомственна министерству внутренних дел. Хозяйственные распоряжения выпускались всеимперским советом, министерствами, отдельными управлениями военного ведомства, а также органами и правительствами союзных государств и местными властями вообще. Неизбежные в бюрократическом аппарате ведомственные трения, борьба между военными и гражданскими ведомствами за власть, не говоря уже о более глубокой социальной подоплеке внутренней борьбы, постоянно раздиравшей военную систему Германии, — о борьбе между аграриями и промышленными группами,— конечно, не способствовали единству и планомерности хозяйственного регулирования.

Военное Управление, созданное для проведения в жизнь программы Гинденбурга, должно было помочь об'единению и централизации регулирующей работы. Но и здесь, в организации Военного Управления, сказалась та же черта, общая всей организационной и регулирующей работе в военном хозяйстве. Задача момента, поставленная военным ведомством, проведение закона о милитаризации рабочей силы

---

[1]) „Handbuch der Politik", B. II, S. 233.

[2]) „Центр тяжести в руководстве военным хозяйством лежит сейчас в прусском военном министерстве, т.-е. в его военно-сырьевом отделении. Министерство внутренних дел, правда, также приняло в свою компетенцию части военного хозяйства. Но об едином руководстве всеми военно-хозяйственными проблемами или хотя бы об усвоении министерством внутренних дел руководящих идей военного хозяйства не может быть и речи"!.. цит. по брошюре: „Der Plan eines Reichshandelsamtes und Aussenhandelsamtes", Berlin, 1916, стр. 4.

(Hilfs dienstgesetz) заслонила собой в значительной мере все общие экономические задания, стоявшие перед Управлением. Что условия настойчиво диктовали необходимость сосредоточения всех важнейших видов экономического регулирования по всем отраслям хозяйства в целом в руках единого, достаточно компетентного органа, видно из структуры Военного Управления [1]). Мы видим, как к органам, предназначенным для проведения милитаризации рабочей силы, прирастают органы регулирования внешней торговли, производственного контроля (технический штаб), решения обще-экономических вопросов (референты по отдельным отраслям) пропаганды и т. д. Несмотря на стихийную тенденцию к об'единению разрозненной по отдельным ведомствам работы по экономическому регулированию, несмотря на это стремление, отчасти удовлетворенное описанной организацией Военного Управления, до единого хозяйственного штаба развитие военной системы в Германии все же не дошло. Сложнейшая проблема воздействия на рынок и ценообразования оставалась раздробленной между Военным Управлением, вернее, сырьевым отделением его в части промышленных изделий, и министерством продовольствия в части сельско-хозяйственных продуктов. Единство воздействия на рынок, таким образом, не было осуществлено. Вся работа по урегулированию сельского хозяйства, сосредоточившаяся фактически в министерстве продовольствия, не была увязана с плановой работой остальных органов экономического регулирования. Словом, в военном хозяйстве Германии мы тщетно стали бы искать единый орган планового регулирования хозяйства. Последующие выступления практических руководителей экономической работы отмечают значение этого факта для военно-хозяйственной системы:

> «Чем больше обострялось хозяйственное положение, чем дольше затягивалась война, тем сильнее ощущалось отсутствие твердой воли, которая в состоянии была бы руководить *всем хозяйством в целом* в соответствии с особенностями настоящей войны», — говорит Кэт [2]).

Отсутствие единого планового органа фактически лишало возможности выработать общий план народного хозяйства по всем отраслям. План, выработанный сырьевым отделением для своей области, повис в воздухе:

> «Планомерная установка на войну сначала трех-, а затем пятилетней продолжительности, односторонне, лишь в одной области сырья, вызывала сомнения. Ибо не была исключена возможность, что, с одной стороны, в какой-либо другой области не удалось бы выдержать войну в течение того срока, на который был рассчитан сырьевой план. Поэтому было предложено приступить к выработке планов, аналогичных сырьевому, также во всех других областях,

[1]) Военное Управление распадалось на следующие основные отделы: милитаризации рабочей силы, специально военного снабжения (Wumba), сырьевого, с подчиненной ему системой акц. обществ, и, наконец, внешней торговли.

[2]) „Handbuch der Politik", B. II, стр. 225.

важных для ведения войны... Эти предложения не имели успеха. Исследования, подобные произведенным в области сырья, считались невыполнимыми для остальных, важных с военной точки зрения элементов хозяйства. Здесь достаточно ясно обнаружилось, как необходимо было единое руководство, которое заботилось бы о своевременном учете и длительном наблюдении за всеми важными для военных действий областями народного хозяйства» [1]).

Военная система планового регулирования хозяйства Германии, таким образом, построена на своеобразном парадоксе. Плановое хозяйство, этот принципиальный антагонизм стихийного, товарного хозяйства, само развивается здесь в значительной мере «стихийным путем». Стихия войны заставила буржуазное государство, сначала робко и нерешительно, сделать первые шаги к непосредственному вмешательству в хозяйственный процесс. Но удовольствоваться отдельными мероприятиями по регулированию и зажиму, оставить на ряду с ним свободный простор для «игры хозяйственных сил» нельзя было. Только преодоление рыночных законов могло дать гарантии, возможности удовлетворить требования войны. На этот путь государство вступило также без сознательного намерения [2]), без сознательно поставленной цели заменить рыночное хозяйство плановым. План строился для отдельных отраслей там, где положение становилось наиболее угрожающим для успеха военной задачи. Отдельные элементы, выдвигавшиеся в порядке ударности в центр внимания, подвергались плановой регулирующей обработке. Прежде всего транспорт, затем финансы, сырьевое снабжение, внешняя торговля, продовольствие населения, рабочая сила входят поочередно в круг об'ектов планового регулирования государства. В этой «стихии планового развития» все время повторяется одна и та же черта, общая всей экономической политике государства. Цель государственного вмешательства направляется прежде всего на потребление, распределение продуктов. Лишь косвенным путем государство приходит к основе планирования, воздействию на *процесс производства*. Отдельные работы по регулированию различных частей народного хозяйства сцепляются в единый план стихийным путем лишь благодаря тому, что регулирующие органы на практике убеждаются в невозможности разрешить проблему лишь в плоскости распределения наличного, готового фонда страны [3]). Так, в области промышленного регулирования исходным

[1]) „Handbuch der Politik", B. II, стр. 232.

[2]) „Все военные мероприятия государства и местных властей являются лишь единичными мерами нужды, в них совершенно отсутствует органическое единство строго систематически проводимой реформы". Diehl, цит. пр., стр. 15.

[3]) По мнению Диля, правда, основанному лишь на более раннем опыте (1915 г.), „если исследовать все эти сотни военных мероприятий, то обнаружится, что как раз то, что составляет базу социалистического (т.-е. в данном случае планово-организованного. *Е. Х.*) хозяйства, а именно регулирование производства, вообще не имеет места. Важнейшие хозяйственные мероприятия сводятся вкратце к следующему: было предпринято частичное государственное регулирование потребления и распределения некоторых важных видов сырья и предметов питания".

На этот ограниченный характер государственного вмешательства указывает

пунктом служил лишь один узко ограниченный участок — снабжение промышленности сырьем. Задачи сырьевого отделения и военно-сырьевых обществ, об'единивших отдельные отрасли промышленности по типу наших главков и центров, первоначально, формально и впоследствии, ограничивались лишь этой областью. Распределение сырья естественно потребовало вмешательства в производство и распределение готовых продуктов промышленности. Распределять сырье сколько-нибудь целесообразно и экономно без предварительного учета производственных возможностей и потребностей нельзя было. А это естественно предполагало систематическую плановую работу. Задачи экономии сырья требовали закрытия более слабых предприятий, перегруппировок и перераспределения средств производства. Необходимо было наблюдение за тем, экономно ли и по назначению ли расходуются эти драгоценные запасы сырья, т.-е. возникала регламентация производства, проникновение в производственный процесс. Проведенная к концу 1917 г. широкая кампания по свертыванию слабейших предприятий и концентрации производства на наиболее мощных производственных единицах, исходным пунктом и причиной которой послужила та же проблема сырья (уголь и железо), как бы завершила этот переход от регулирования потребления и распределения к полному охвату плановым путем целых отраслей народного хозяйства. О размерах кампании можно судить хотя бы по такому примеру, что в текстильной промышленности из 3 тыс. ткацких предприятий остались в работе лишь 200 наиболее мощных. Владельцы закрытых предприятий удовлетворялись прибылью по средней условно принятой норме за счет прибылей предприятий, оставшихся в работе. Этот пример — любопытнейший факт обнажения социальной природы столь завуалированных фетишистической оболочкой капиталистического хозяйства экономических категорий, как средняя норма прибыли,— сам по себе достаточно ярко иллюстрирует степень и глубину планового вмешательства государственного аппарата в хозяйство Германии.

Вдохновитель и активнейший организатор военного хозяйства Германии, Вальтер Ратенау, уяснил себе об'ем и значение намечаемых мероприятий государства уже с первых его шагов. Об этом ярко свидетельствуют его воспоминания о первой неделе мобилизации народного хозяйства.

«Была средина августа. Перед моим окном ветвистый дуб затенял крышу. Внизу, в красивом саду военного министерства, медленно

и Лифман. И здесь опорой служит опыт первых лет войны. Впоследствии, когда логическое развитие военного хозяйства начало глубоко задевать производство, размеры и глубина планового регулирования преувеличиваются буржуазными экономистами до невероятных пределов, и вопли о внедрении социализма все усиливаются. Так колеблются оценки военной системы в многочисленных немецких работах. См. Diehl, цит. пр., стр. 14, Liefmann, Robert: „Bringt uns der Krieg dem Sozialismus näher?“ Stuttgart—Berlin, 1915. Bendixen, Friedrich: „Sozialismus und Volkswirtschaft in der Kriegsverfassung“, Berlin, 1916 г. и др.

шагал часовой; две старые пушки стояли на солнечной лужайке. И позади этой мирной картины — высокая фабричная труба; она напоминала о гигантской области германского хозяйства, простирающейся до самых пылающих в войне границ. Это царство грохочущих поездов, дымящихся печей, пылающих домен, свистящих веретен, это необозримое хозяйственное поле простиралось перед нашими духовными очами и ясно сознавалась задача — охватить этот кипящий мир, поставить его на службу войне, подчинить его единой воле, пробудить в нем гигантские силы сопротивления» [1]).

Выше мы попытались описать аппарат и общую систему регулирования, которой предстояло разрешить эту поистине гигантскую задачу подчинения стихийного хозяйства «единой воле». Но в какой мере сознательной воле центра, плановому регулированию, удалось разрешить эту задачу? В какой степени плановому воздействию удалось подчинить себе рыночное регулирование, *действие закона стоимости?* Вот основной вопрос, который встает перед нами при экономическом анализе военного хозяйства.

Об'ективные результаты военного положения, даже вне зависимости от сознательного воздействия государства, создавали существенные ограничения для регулирующей деятельности закона стоимости. Хозяйственная война, блокада, резким ударом вырвала народное хозяйство Германии, сплетенное теснейшими узами с мировым рынком, из сферы действия мирового закона стоимости, разделения труда в мирохозяйственной системе.

Правда, несмотря на все усилия, союзникам вплоть до конца войны не удалось окончательно отрезать пути связи хозяйства Германии с внешним миром. Итоги платежного баланса Германии за годы войны обнаруживают довольно значительный ввоз, главным образом продовольствия, из нейтральных и союзных стран [2]). Но этот внешний товарооборот, не говоря уже о его ничтожных, по сравнению с цифрами мирного времени, размерах, в силу своих специфических форм также не оставлял места для проявления закона стоимости, не мог служить регулирующим коррективом для народного хозяйства. Опыт мировой войны обогатил нас такой своеобразной формой хозяйственных взаимоотношений между отдельными странами, как натуральный оборот на основе взаимных компенсаций. Мы не можем здесь задержаться на

---

[1]) Rathenau, цит. произв., стр. 4.

[2]) В целом для периода с 1-го августа 1914 г. до конца декабря 1918 г. ввоз в Германию составил в круглых цифрах 23 миллиарда золотых марок. Кроме того, союзники Германии ввезли товаров на 4 миллиарда золотых марок. Эта сумма превышала ценность экспорта из Германии на 15 миллиардов золотых марок. Эти данные приведены в официальном документе: „Deutschlands Wirtschaftslage unter den Nachwirkungen des Krieges". С ними совпадают цифры, приводимые в книге Маультона „Платежеспособность Германии", Гиз, 1925, стр. 32. Официальные данные торговой статистики Германии за годы войны до сих пор не опубликованы.

анализе этого любопытного явления [1]), ограничимся лишь кратким описанием его сущности. Мировая война, раздробив и разорвав на части единую систему мирового хозяйства, поставила мировой рынок в условия постоянного голода, недохватки важнейших видов сырья и продовольствия, отставания спроса от предложения. В этих условиях нейтральные страны вынуждены были строго регламентировать свой экспорт и принять все меры к снабжению своего внутреннего рынка. Натуральное содержание внешнего товарооборота выступило на передний план, заслонив в значительнейшей мере вопросы цены и т. п. Швейцария, Голландия, Дания и др. нейтральные государства, не порвавшие сношений с Германией, ввели систему торговых договоров, основанных на компенсации, т.-е. на обязательстве возмещения вывоза из своих границ соответственным ввозом определенных, строго регламентированных в количестве и качестве товаров. Так, Германия обязывалась компенсировать свой импорт из Швейцарии и Голландии (состоявший, главным образом, из предметов продовольствия) ежегодным вывозом определенного количества угля и железа. Но в этих договорных торговых отношениях, под давлением воюющих сторон, дипломатические комбинации играли гораздо большую роль, нежели свободные коммерческие сделки. «Натурализация» товарооборота во время войны заходит так далеко, что он, конечно, служит очень плохим проводником для регулирующего действия мирового закона стоимости [2]). Кроме того, сказывался валютный разрыв, расхождение между курсом германской валюты на внешних рынках, искусственно поддерживаемым государством, и покупательной способностью денег на внутреннем рынке.

К этому действию искусственной автаркии, замкнутости народного хозяйства Германии, присоединяется еще более *общий момент*, создаваемый общими условиями войны. Нетрудно понять, что самый характер потребления в военных условиях, самая цель военного хозяйства заключает в себе систематическое отрицание закона стоимости. В самом деле, о каком равновесии в распределении производительных сил хозяйства может итти речь, когда единственной целью его является как раз уничтожение, разрушение этих производительных сил? Об этом нарушении равновесия в распределении общественного труда вопиет каждая часть военного хозяйства. Расцвет металлургии, машиностроения,

---

[1]) Otto Neurath в статье „Grundsätzliches über den Kompensationsverkehr", Weltwirtschaftliches Archiv, 1918, II, стр. 25, рассматривает эту систему внешней торговли как проявление общей тенденции к натурализации хозяйственных отношений в военном хозяйстве. Несмотря на сильнейшую переоценку этой тенденции, свойственную его теории военного хозяйства, он правильно подмечает принципиально новые моменты, которые вносятся в современное товарно-капиталистическое хозяйство плановым регулированием. (См. его книгу „Durch die Kriegswirtschaft zur Naturalwirtschaft", Collwey, München, 1919).

[2]) Влияние внешней торговли на внутренний рынок Германии ослаблялось еще благодаря тому, что все импортированные товары (в особенности во второй половине войны, в 1916—1918 гг.) попадали непосредственно в руки госуд. органов продовольственного снабжения и продавались по твердым ценам в порядке пайкового распределения. Экспорт же, помимо общих ограничений, производился, главным образом, теми же госуд. заготовительными органами в порядке выполнения компенсационных торговых договоров.

достигается ценою разорения сельского хозяйства и отраслей производства, снабжающих мирное население, и т. д. В военном хозяйстве, которое по своей природе является системой *нарушения равновесия*, естественно, неизбежно *искажение* регулирующего действия закона стоимости.

Но мы не можем довольствоваться этим выводом, вытекающим из общих свойств рассматриваемой эпохи в хозяйстве Германии, как эпохи войны.

Этим негативным моментам, общим условиям, урезывающим силу закона стоимости, в военном хозяйстве Германии противостоит богатая практика положительной экономической работы. Государство здесь пытается своей экономической политикой заменить это выпадающее стихийное регулирование, пытается подчинить его своей воле, поставить на его место плановую систему. *Каковы же пределы планового регулирования в хозяйстве, сохранившем капиталистическую классовую структуру?*

Для ответа на этот основной для нас вопрос следует попытаться дать конкретную характеристику *рынка и рыночных отношений* в военном хозяйстве Германии.

* * *

Внутренний рынок Германии во время войны легко поддается разделению на две сферы — продуктов промышленности и сельского хозяйства. Этот условный разрыв по существу единой рыночной системы имеет свое оправдание. Действительно, военное хозяйство характерно тем, что каждая из этих основных частей народного хозяйства отличается глубокими особенностями в степени и характере планового регулирования, в строении цен и товарообороте.

После первых довольно случайных мероприятий в области цен, сводившихся лишь к устранению предельных, максимальных ставок для отдельных видов продовольствия, развернулась сложная и разнообразная система регулирования по различным областям хозяйства [1]). В области промышленности мы к моменту, когда военная система уже в достаточной мере укрепилась, можем различить три основные формы ценообразования. В тех отраслях промышленности, где запасы сырья нельзя было существенно увеличить в силу блокады, как, например, в текстиле (подвоз хлопка из Америки был отрезан почти полностью), в цветной металлургии и т. д., раз зафиксированные твердые цены оставались без изменений, так как нельзя было рассчитывать на поощрение продукции путем роста цен. Совершенно своеобразно было регулирование цен на металлы. С осени 1915 г. все предприятия, обрабатывающие металлы, платили постоянно одну и ту же цену за сырье, вне зависимости о того, по какой цене военно-металлургическое акц. общество (об'единение всей металлургической промышленности) проводило это сырье по своим книгам. Издержки же производства

[1]) Подробное описание системы цен и всей принятой в официальной литературе терминологии приводит Walter le Coutre, „Preisgebäude im Kriege", 1918.

колоссально возросли, и поэтому государство вынуждено было ежемесячно выплачивать этому воен.-металл. о-ву многие миллионы для покрытия этой разницы. Так как в конечном счете основным покупателем металлических изделий являлось государство в лице военного ведомства, то этот способ регулирования цен оказывался проще и экономнее, нежели постоянные надбавки на цены отдельных поставщиков. Но такая система возможна была лишь в столь централизованной по регулированию, сконцентрированной в крупнейших предприятиях отрасли, как металлургия. По отношению же ко всей остальной промышленности получила широкое распространение форма «договорной цены».

Эта система регулирования цен была позаимствована из практики германских картелей и синдикатов еще до войны. Договорная или конвенционная цена нормируется, как правило, данным трестом, синдикатом, данным об'единением предпринимателей. Все входящие в об'единение предприниматели или торговцы обязуются договором не выходить из установленных ставок цен. Таким образом, формально, в основу регулирования кладется добровольное обязательство участников об'единения. Это и было в начальной стадии военного хозяйства, когда военные об'единения промышленности еще только развертывались. Но вместе с процессом огосударствления военно-промышленных обществ, превращения их в централизованные главки по отдельным отраслям (ниже мы остановимся на этом процессе подробнее), к обычным в монополистических об'единениях способам борьбы с нарушителями конвенций присоединились еще гораздо более решительные меры административного воздействия. Предприниматель, нарушивший договорные размеры цены, лишался заказов военно-промышленного общества и, что еще действительнее, соответствующий распределительный центр сырьевого управления прекращал снабжение его сырьем. Таким образом, старая система регулирования цен монополистическими об'единениями была «огосударствлена» и распространена на всю промышленность [1]).

В основу «договорной цены» клался расчет, основанный на принципе умеренной прибыли. Но так как авторами этих расчетов являлись сами промышленники, об'единенные в военные общества, под наблюдением и с утверждения комиссаров и соответствующих отделов военного министерства, а последнее достаточно «дружественно» относилось к интересам предпринимателей, регулирование цен здесь обходилось без больших конфликтов и противоречий. В результате мы видим, что в крупнейшем секторе народного хозяйства Германии, в промышленности, цена, регламентированная центральными органами в каждой отдельной стадии, на каждой ступени производства, фактически служит

---

[1]) „Чем больше сырье переходило в руки государственного регулирования тем меньше становилась необходимость пользоваться тяжеловесными методами твердой цены, формы чрезвычайно неэластичной, затрудняющей приспособление к месту, роду сбыта и качеству товара, формы, всякое изменение которой связано было со множеством законодательных и технических трудностей. Все научились пользоваться более простой и эластичной формой договорной цены". Hirsch, Julius „Die Preisgebilde des Kriegswirtschaftrechtes" Beiträge zur Kriegswirtschaft, Berlin, 1917, стр. 15 и сл.

скорее *средством расчета и учета и замаскированной формой организованного распределения прибылей между предпринимателями*. Приведенный выше пример возмещения государством разницы между отпускными и номинальными, установленными государством, ценами на металлы [1] ярко иллюстрирует это изменение функциональной роли цены в военном хозяйстве. Эта утрата ценою ее роли регулятора производства, распределителя капиталов на основе колебаний нормы прибыли и цен производства вытекает, впрочем, уже с достаточной ясностью из самого способа установления цен. Место конкурентной борьбы и конъюнктурных колебаний занимает регулирование и согласование интересов отдельных групп капиталистов в комиссиях и отделах военных управлений и главков.

На рынке сельско-хозяйственной продукции проблема цен носит несравненно более сложный и противоречивый характер.

Регулирующая работа государства развивается здесь иным путем, нежели на рынке промышленных изделий. За исключением зерновых хлебов, служивших и до войны излюбленным об'ектом спекуляции на товарной бирже благодаря единству цен и сравнительной однородности качества товаров, цены на остальные продукты сельского хозяйства устанавливались обычно в свободном торговом обороте. Поэтому из опыта твердых цен наиболее оправдалась и укрепилась лишь нормировка цен на хлеба, сразу же централизованная в руках имперского правительства. По остальным оставшимся сначала в свободном обороте продуктам сельского хозяйства правительство пыталось остановить вздорожание угрозами административных кар. Особые совещательные органы при коммунальных об'единениях, составленные из представителей торговли, организованных потребителей (обычно, кооперативов и проф. союзов) и специалистов, должны были помогать коммунам в установлении «умеренных цен» на продукты, не подвергнутые регламентации центра, изучать издержки производства и вообще вести общий контроль над рынком в своих областях. Таких комиссий (Preisprüfungsstellen) было организовано по стране свыше тысячи. Центральная комиссия служила совещательным органом при разработке правительством законов о ценах. Максимальные, предельные цены, устанавливаемые правительством, в теории ограничивали лишь высший предел роста цен; фактически же они из максимальных сразу превращались в минимальные.

---

[1]) Необходимо подчеркнуть, что самый факт участия государства в установлении цен отнюдь не был новинкой как раз в этих решающих и наиболее монополизированных отраслях промышленности—в угле и железе. Так, напр., общеизвестно, что при установлении конвенционных ориентировочных цен на уголь Рейнско-Вестфальского синдиката и до войны всегда предварительно нащупывалось мнение правительства (см., об этом в брошюре Troeltsch, „Die deutsche Industriekartelle", Essen, 1916). То же известно и из практики других крупных об'единений тяжелой индустрии (см., напр., калийный синдикат). Принципиально новым в системе регулирования промышленных цен является ее универсальный характер, перенесение ее на всю организованную промышленность. Здесь, очевидно, налицо не простое количественное расширение картельной практики, а качественное изменение ее народно-хозяйственного значения.

Поскольку эти предельные цены на сельско-хозяйственные продукты не сопровождались такой же регламентацией самого процесса производства, как это имело место в промышленности, они отражали, фиксировали фактически уже существующее на рынке положение. Все трудности и противоречия, неизбежно связанные с попыткой воздействия лишь на обмен, а не на условия производства товаров, полностью проявились в попытках государства овладеть сельско-хозяйственным рынком лишь путем регламентации цен [1]). Прежде всего, при ограниченных размерах всех запасов сельско-хозяйственных продуктов, нормирование цен лишь на отдельные виды их немедленно вызывало непомерное вздорожание, во-первых, всех ненормированных изделий из них, и, во-вторых, других видов продовольствия, которые могли их заменить. В течение первых полутора лет войны правительство боролось с этим обходом предельных цен путем все большего расширения области нормированных цен. Тем не менее, разрыв между ценами, нормированными государством и оставшимися свободными, создает огромные затруднения государству за все время войны. Никакими мерами строжайших административных кар не удавалось, напр., прекратить скармливание картофеля и других годных для потребления продуктов скоту в условиях, когда продукты животноводства, цены на которые не поддавались в такой же мере регламентации, ценились на рынке во много раз дороже нормированных хлебных продуктов. К концу 1916 г. ряд законов запрещал употреблять в качестве кормов в сельском хозяйстве все хлебные продукты, свыше 40% урожая ячменя, овса, гречихи, горох, бобы, свеклу, чечевицу, сколько-нибудь годный к потреблению картофель и т. д. Чтобы сохранить скот, нужно было либо покупать фураж на стороне, по бешеным ценам, либо же расширять посевы кормов за счет хлебных злаков. Сокращение же скотоводства глубоко задевало всю организацию с.-х., в особенности крестьянского хозяйства, построенного на интенсивном скотоводстве [2]). Эта проблема сокращения скотоводства в интересах продовольствия населения так и осталась нерешенной за весь период военного хозяйства. Но здесь ярко иллюстрируется слабость политики цен государства на сельско-хозяйственном рынке в силу об'ективных условий, коренящихся в экономической структуре сельского хозяйства. Сюда присоединяются еще общие трудности нормирования цен в силу локальных различий, многообразия сортов продуктов, необходимости проследить движение цен на каждом этапе пути продукта от производителя к потребителю и т. д.

В результате, уже к 1916 г. индексы, основанные на официальных предельных ценах, совершенно не отражают действительного положения на рынке. Данные статистического бюро Кальвера о росте цен ежеме-

---

[1]) См. Terhalle: „Freie und gebundene Preispolitik", Jena, 1920.

[2]) См. брошюры Aereboe: „Betriebswirtschaftliche Vorträge aus dem Gebiete der Landwirtschaft", H. I, стр. 6—11, а также: „Die Umgestaltung der deutschen Viehzucht nach dem Kriege", Berlin, 1918.

сячно сопровождаются все более энергичными указаниями на то, что официальные расценки номинальны и совершенно фиктивны [1]).

Бессилие государства путем одной лишь регламентации воздействовать на рынок косвенно признается им самим, так как оно все больше переходит к непосредственному распределению продуктов сельского хозяйства. Вслед за распределением хлеба, монополизированным в руках государства еще в начале 1916 г., снабжение населения продовольствием все больше и больше переходит в руки государственных органов. Карточная, пайковая система совершенно вытесняет свободный рынок. Рамки настоящей статьи не позволяют нам остановиться подробнее на конкретной истории прорыва государственной системы распределения в Германии подпольной спекулятивной торговлей, на этом процессе борьбы легального, централизованного хозяйства с загнанным в подполье рынком; даже самое поверхностное описание здесь наталкивает нас на целый ряд поразительных аналогий и параллелей с историей советского хозяйства в эпоху «военного коммунизма» и даже в более близкие современности периоды [2]).

В условиях непрерывного падения производительности сельского хозяйства, обострения продовольственных затруднений, попытки государства воздействовать на с.-х. рынок лишь путем запретительной политики цен оказываются явно недостаточными. Экономическая политика упирается в необходимость более активного вмешательства в самое производство. В текущей литературе, уделявшей очень большое место продовольственным проблемам, всплывает ряд предложений о радикальной перестройке системы регулирования сельского хозяйства. С одной стороны, раздаются голоса сторонников свободной «игры сил» в хозяйстве, преимущественно из рядов аграриев и представителей торгового капитала, настаивающих на отмене нормирования цен и воз-

---

[1]) См. Вступительные замечания к ежемесячным бюллетеням, издававшимся в Берлине.

[2]) Яркую характеристику подпольного рынка в военном хозяйстве Германии мы находим у одного из ожесточеннейших критиков военной системы регулирования:

„Чем больше государство пыталось задушить с в о б о д н ы й рынок, тем больше развивался этот н е о ф и ц и а л ь н ы й рынок тайного предложения и тайного спроса. С технически-хозяйственной стороны этот скрытый, подпольный рынок функционирует превосходно. Чудесная механика автоматического регулирования обращения действовала как бы по примерам теории политической экономии Адама Смита и Жан-Баптиста Сэй. На колебаниях цен и ошеломляющем росте их можно было отчетливо наблюдать все элементы, воздействующие на свободное ценообразование; не в малой степени влияли скачки премии на риск, которую торговец переносит на потребителя, когда предложение товаров связывается для него с особыми опасностями. Каждое затруднение спекуляции, каждое повышение штрафа за нарушение государственных предписаний влекли немедленный рост цен на товар, находивший продавца и покупателя несмотря на все запрещения. Конец трагикомедии привел к падению до уровня примитивного менового хозяйства, к борьбе между городом и деревней, к сильному ожесточению против государства создавшего и поддерживающего эту организацию...

Такова ирония военного хозяйства. Кого она веселит?“

L e o p o l d v o n W i e s e: „Freie Wirtschaft“, 1918.

вращения к свободному рынку. Колебания спроса и предложения, воздействуя на цены, будут служить стимулом для развития продукции, и таким образом разрешится, по их мнению, продовольственный кризис. Но, несмотря на все тайные и явные симпатии к интересам кругов, выражавших эти требования, правительство не могло пойти в разгар войны и продовольственного кризиса на столь радикальную перемену курса. С другой стороны, всплывают многочисленные предложения, направленные к еще большему усилению вмешательства государства в самое хозяйство. Приведем типичный для этого направления проект, обошедший всю современную прессу:

> «Прежде всего необходимо, чтобы руководящие органы установили, в каком количественном соотношении необходимо иметь важнейшие сельск.-хоз. продукты. Если будет выяснено, что должно быть произведено А центнеров картофеля, В центнеров ржи, С пшеницы и т. д., то вся посевная площадь должна быть разделена в процентном отношении к нужным количествам хлебов. Затем посевные задания должны быть разверстаны между союзными государствами, провинциями, коммунальными об'единениями и т. д., принимая во внимание установленные статистикой природные особенности каждой местности. Таким же образом следует организовать и скотоводство. Необходимо предписать по закону каждой области, сельской общине содержание определенного количества скота» [1]).

Каких-либо следов практической реализации этих радикальных предложений в военном хозяйстве Германии, конечно, искать не приходится [2]). Военные условия мешали осуществлению даже несравненно более скромных и реальных планов перестройки сельского хозяйства из скотоводческого в зерновое и общего поощрения его. Такие меры, как контроль над семенным материалом, распространение новых видов искусственного удобрения, премирование и поощрение наиболее успешных хозяйств, не могли оказать существенного влияния в условиях отсутствия семян, скота, инвентаря, рабочих рук, общего разорения и падения сельского хозяйства. Недействительными оказывались не только методы прямого регулирования сельского хозяйства, но и косвенное воздействие на него через комбинированную политику цен. Сгладить разрыв между ценами на корма и удобрения и твердыми ценами на хлеба государство не могло по об'ективным причинам голода. Путь же общего «поощрения» сельского хозяйства через значительное

---

[1]) См. „Mittellungen der deutschen Landwirtschaftsgesellschaft" от 2 августа 1916 г.

Проект цитируем по „Кёльнской Газете" № 475 от 10 мая 1916 г.

[2]) Сравнение этого проекта с практикой наших посевкомов напрашивается само собою. У Брентано мы находим еще более ясную формулировку этой теории непосредственного регулирования сельского хозяйства. Он предлагает создать особый центральный орган. „уполномоченный руководить всем производством таким образом, чтобы каждому отдельному хозяйству и в особенности каждому сельскому хозяину было предписано, что он должен производить".

увеличение предельных ставок цен фактически был отрезан прежде всего благодаря общему товарному голоду. Увеличившаяся покупательная способность крестьянства, сельского хозяйства не могла быть удовлетворена, так как промышленность отдавала всю свою продукцию на войну. В этих условиях механизм политики цен фактически был недействителен.

В результате, рынок, как единая система связи между важнейшими областями народного хозяйства, ускользает из-под регулирующего влияния государства, несмотря на почти полное господство его в важнейшем секторе рынка — в области промышленности. Ускользнувшая от государственного распределения в порядке пайковой системы часть сельско-хозяйственной продукции превращается в об'ект спекуляции на подпольном рынке. Сколько-нибудь достоверные данные, на основе которых можно было бы судить о силе прорыва государственного регулирования, о размерах этого подпольного рынка, отсутствуют. По мнению Кальвера, правда, не обоснованному цифровыми данными, «население удовлетворяется, главным образом, не государственным снабжением, а запрещенной торговлей. Без этой нелегальной торговли население не могло бы существовать». «Если население не вымерло от голода, то оно обязано этим не заслугам государственного регулирования (принудительного хозяйства — «Zwangswirtchaft»), а спекулятивной торговле» [1]). Правда, как ни аутентичны для настроений широких слоев населения эти утверждения Кальвера о размерах и значении спекулятивной торговли и подпольного рынка, все же не следует его переоценивать, нельзя упускать из виду колоссальный упадок сельского хозяйства, естественно ограничивавший количество продуктов в распределении. Даже сравнительно большие размеры нелегального рынка не могут, однако, компенсировать общий распад рыночной системы в хозяйстве Германии. ***Разрыв связей между городом и деревней,*** аграрным и индустриальным рынком, ***распадение единого экономического организма страны на ряд локальных рынков со своим движением цен, полное исчезновение ряда важнейших товаров из обращения,*** нарушение соответствия между ценами на отдельные виды продуктов (мука и зерно, мясо и т. д.) — ***таковы типичные черты распада, выявившиеся в хозяйстве Германии к концу войны.***

* * *

Описанный процесс распада рынка в военном хозяйстве Германии, естественно, сопровождается углублением свойственных капитализму антагонизмов между промышленностью и сельским хозяйством, между городом и деревней. Крестьянская часть сельского хозяйства, по самой своей природе, с большей силой ощущает это разрушение рынка, отсутствие рабочих рук, инвентаря, невозможность компенсировать отбираемую государством в порядке принудительной разверстки продукцию своего хозяйства продуктами промышленности, играющими колоссальную роль в высоко интенсивном хозяйстве Германии.

[1]) См. его бюллетень за июль 1918 г.

Но и юнкерско-помещичьи слои крупного сельского хозяйства проявляют свое недовольство военной системой в обострении борьбы между аграрным и промышленным капиталом. Именно этой внутренней борьбой в правящих группах об'ясняются в значительной степени многочисленные шатания и половинчатость государства в осуществлении планового регулирования. Примером могут служить хотя бы отмеченные выше ведомственные трения между центральными органами, послужившие помехой созданию единого регулирующего центра для всего народного хозяйства.

Внутри промышленности, охваченной несравненно более мощной и сплоченной организацией государственного регулирования через систему об'единений по отраслям, также не прекращается борьба различных противоречивых групп и интересов. Жертвой первых же шагов об'единения промышленности пал, как известно, инициатор этого дела Вальтер Ратенау. После девяти месяцев работы он был отстранен от руководства военно-сырьевым отделением; группы капиталистов — владельцев основных металлургических и угольных предприятий, находившихся в длительной конкурентной борьбе с обрабатывающей машиностроительной и электротехнической промышленностью, в частности с всеобщей электрической компанией, владельцем которой был Ратенау, обвинили его в использовании служебного положения для целей конкуренции и разоблачения тайн противников. Несколько своеобразны лишь формы, в которых выражалась эта борьба внутри организованной промышленности, что об'ясняется отчасти особенностями ее организации. Первоначально новые об'единения, получившие название военно-акционерных обществ, носили характер свободных, добровольных об'единений промышленных, отчасти и торговых предприятий. Акционерная форма были избрана, как наиболее удобная и привычная форма об'единения капитала; при этом государство подчеркивало, что эти об'единения отнюдь не должны принимать монопольный характер. Отличались они от обычных акционерных обществ отказом от цели извлечения прибылей. По уставам вся прибыль за вычетом расходов по ведению дел и довольно скромного процента на капитал должна была, по ликвидации общества, перейти в казну. Акционеры—основатели военных обществ — вполне откровенно защищали свое требование. Они заявляли: «Мы даем обществу капитал для того, чтобы оно закупало или раздобывало где угодно сырье для военных заказов. Мы не пользуемся прибылями с вложенного нами капитала, но, само собою разумеется, мы требуем преимуществ против остальных предпринимателей данной отрасли, ничего не внесших обществу». Фактически эти военные общества составлялись, главным образом, из наиболее мощных и видных предприятий данной отрасли. Как указывает Ратенау, в основу их брались, главным образом, уже существовавшие в большинстве отраслей промышленности монополистические об'единения — картели, синдикаты и т. д. [1]). Таким образом, их требования сводились к распределению

[1]) „Именно эти промышленные организации послужили основой для вновь создаваемых военных об'единений, и не только в материальном отношении, но и в персональном составе. Таким образом, все существенные элементы военных

сырья, так сказать, в пропорции к капитальной мощи акционеров. Старая упорная борьба между отдельными монополистическими об'единениями и неорганизованными, «дикими», вся анархия, раздирающая капиталистическое хозяйство в его последней стадии монополитического перерождения, переносились, таким образом, целиком в эти военные формы, с той лишь разницей, что здесь борьба велась не столько за сбыт, сколько за снабжение сырьем. Но эта политика участников военных обществ зачастую противоречила интересам государства, военного ведомства, нуждавшегося в быстром, равномерном распределении сырья по всем производителям.

Борьба между военным ведомством, с одной стороны, и группами крупнейших, но сначала довольно малочисленных предприятий, об'единенных в военные общества, стремившихся одновременно подавить своих более мелких и раздробленных конкурентов—с другой, кончилась победой государства. Но, вместе с тем, военные общества решительно переменили свой характер добровольных об'единений на государственные и строго регулируемые государством главки [1]). Внутренняя борьба отдельных групп капиталистов красной нитью проходит через весь процесс сращивания промышленности с государством. Первые шаги этого превращения монополистического хозяйства Германии в государственно-капиталистическое развернулись, как уже отмечалось выше, на фоне борьбы между об'единенными в военные общества и неорганизованными предпринимателями. Но эта борьба не прекращается в течение всего времени господства военной системы регулирования хозяйства, меняя лишь свои формы. Самый процесс огосударствления промышленности развивается, как борьба и подавление одних групп промышленного капитала другими. Решающее значение в этом процессе, помимо централизации сырья, сыграл еще момент *кредитной зависимости*. Вскоре обнаружилось, что капиталы, вложенные частными предпринимателями в военные общества, отнюдь не соответствуют их потребностям. Поступавшие в 1915—1916 г.г., главным образом, из оккупированных областей запасы сырья потребовали таких гигантских сумм, что капитал отдельных сырьевых обществ растаял, как масло на солнце. Когда дело дошло до платежей, почти все без исключения военные общества были вынуждены прибегнуть к кредитованию. Первое время банки весьма охотно взялись за это. Но когда суммы задолженности начали возрастать до гигантских размеров, цены на сырье на вольном рынке все больше лететь вверх, кредитующие банки обнаружили беспокойство. В случае скорого окончания войны, можно было ожидать стремительного падения сырьевых цен, и, в таком случае, огромные кредиты, предоставленные банками военным обществам, повисли бы в воздухе. Банки потребовали для новых кредитов гарантии государства. И на этом пути государству

обществ, за исключением внешней формы их, были уже подготовлены наилучшим образом в течение десятилетий. „Mitteilungen des Kriegsausschusses der deutschen Industrie", № 59, 1915 г., стр. 894.

[1]) Сходство с нашей системой главков эпохи военного коммунизма отмечается и в немецкой литературе. На это указывает, напр., Iohann Plenge в книге. „Allgemeine Organisationslehre", 1919.

удалось подчинить себе военные общества. Зимой 1915 г. государство взяло на себя гарантии за кредиты сырьевых обществ.

Так как в балансах военных акц. обществ задолженность крупным банкам играла огромную роль, эта государственная гарантия (гарантировался безубыточный выход из войны) имела решающее значение. Иллюстрируем это на примере металлургического военного акц. о-ва. У этого об'единения наличный капитал составлял полтора миллиона марок. Если в капиталистических условиях акционерное общество располагает полутора миллионами марок и другая организация гарантирует ему кредиты на много миллионов марок, то само собою разумеется, на чьей стороне находится перевес. С того момента, как сырьевые общества вынуждены были воспользоваться гарантиями государства, их сопротивление было сломлено, и с этого времени, по мнению Виденфельда, их можно рассматривать, как государственные органы военного хозяйства [1]). Формально влияние государства в этих организациях обеспечивалось вхождением в состав руководящих органов государственных комиссаров, наделенных правом veto по всем важнейшим решениям. Фактически власть государства этим, конечно, не ограничивается. Чем больший круг промышленных изделий изымается из свободного оборота и передается в ведение соответствующих отделов и учетных центров Сырьевого Отделения, тем сильнее становится регулирующая власть государства в соответствующих отраслях промышленности. Вместе с тем военно-акционерные общества фактически утрачивают свой характер *добровольных* об'единений капиталистов и превращаются в исполнительные органы управления отдельными отраслями промышленности, подчиненные в снабжении сырьем, в реализации продукции военному ведомству, а позднее, и в самом процессе производства, соответствующим отделам государственных органов. Ибо предприятия, не об'единенные и не взятые на учет какого-либо военно-акционерного общества, тем самым автоматически лишаются и сырья и заказов военного ведомства.

Было бы ошибочно, однако, противопоставлять эти военные об'единения промышленного капитала органам непосредственного государственного регулирования. Все своеобразие военной системы хозяйства как раз и заключается в *сращении* частно-правовых организаций капитала с административным аппаратом государства. Широко развитая система персональной унии в руководстве акционерными обществами и соответствующими отделами Военно-хозяйственного управления олицетворяла это сращение капитала с государством. И здесь и там руководство сосредоточивалось в руках наиболее мощных капиталистов данной отрасли и их высшего коммерческого и технического персонала.

---

[1]) Этому „приватному" экономисту Рейнско-Вестфальского синдиката, занимавшему видные посты в военно-хозяйственных органах, принадлежит полуконфиденциальный доклад о положении промышленности, из которого мы позаимствовали приведенные цифры; см. Wiedenfeld: „Rohstoffversorgung", стр. 6—7. Кроме того см. Tschierschky: „Zur Reform der Industriekartellen", Berlin, 1921, Beckerath: „Zwangskartellierung oder freie Organisation der Industrie", стр. 35—36.

Прежняя борьба отдельных групп предпринимателей между собою приняла в этой системе форму погони за руководящими постами в соответствующих отделениях Военного Управления, учетных центрах и правлениях акционерных обществ.

Об'екты борьбы — преимущественное снабжение сырьем, наиболее выгодные заказы военного ведомства, льготы в снабжении рабочей силой и т. д. За эти преимущества борьба идет не только между представителями отдельных отраслей добывающей и обрабатывающей промышленности,—железа и угля, с одной стороны, напр., и легкого машиностроения, электротехнической промышленности — с другой, в текстиле — между владельцами предприятий первых стадий производства и ткацко-отделочными фабрикантами [1]), — но и внутри отдельных отраслей, организованных в военные главки. Немалую роль при этом играют противоречия, раздиравшие отдельные группы крупного капитала еще до войны, внутри старых монополистических об'единений. Любопытен в этом отношении пример Рейнско-Вестфальского синдиката. Этому гиганту грозил развал вследствие внутренней борьбы между группами Стиннеса и Тиссена за доли, так наз., квоты, прежде неорганизованных и новых предприятий. Дебаты о возобновлении синдикатского договора, срок которого истекал 1 января 1916 г., начались еще до войны и тянулись бесконечно долго. После истечения договора драка тянулась еще больше полугода; лишь решительное вмешательство государства предотвратило развал треста [2]).

Опасаясь обострения конкурентной борьбы, спекуляции и роста цен, государство, под угрозой принудительного синдицирования, заставило заправил синдиката пойти на сговор. Противоречия интересов борющихся групп в тяжелой промышленности этим, конечно, не разрешались, а лишь загонялись во внутрь нового об'единения. Распад другого, менее мощного об'единения — буроугольных копей — так же был предупрежден вмешательством государства (к концу 1917 г.). В металлообрабатывающей промышленности обострились противоречия между предприятиями, ранее ориентировавшимися на внешний рынок и вынужденными спешно перестраиваться и приспособляться к военным потребностям, и предприятиями, уже успевшими обеспечить себя государственными заказами и т. д. Примеры внутренней борьбы капитала в рамках централизованной и огосударствленной системы промышленности можно было бы умножить данными по всем почти без исключения отраслям.

Эта приглушенная военными условиями борьба противоречивых групп капитала начинает все больше прорываться наружу вместе с усилением государственного зажима, вместе с военизацией аппарата регулирования хозяйства. Необходимость строжайшей экономии в потреблении непрерывно сокращавшихся запасов сырья, жесточайшей

---

[1]) Любопытные материалы по этому вопросу можно найти у Bruk'a: „Kriegsausschus der deutschen Baumwollindustrie", 1920.

[2]) Лишь заслуженный руководитель синдиката Эмиль Кирдорф не потерял еще надежды, пишет Tröeltsch: „Die deutsche Industriekartelle vor und nach dem Kriege" Essen, 1916, стр. 64.

централизации регулирования хозяйства заставляла государство итти на подавление аппетитов отдельных групп буржуазии. Но если вначале и в первую голову от этого страдали более мелкие капиталисты, игравшие лишь второстепенные и третьестепенные роли в монополистической системе промышленности, то с усилением государственного регулирования круги «потерпевших» все больше расширяются. Государственная плановая система все больше лишает возможности отдельных предпринимателей извлекать прибыль из участия в торговом обороте. Возможности наживы на почве конкурентной борьбы все больше исчезают. Подавление рынка и попытки заменить его организованной системой распределения вступают в противоречие с частной собственностью на орудия производства, диктующей борьбу внутри класса капиталистов на почве различных групповых интересов. Протесты против «принудительного хозяйства», глушащего «инициативу и свободную игру сил», приближающего к ненавистному социализму, об'единяют все более широкие слои буржуазии. Представительный орган германской буржуазии, так назыв. Военный Совет германской индустрии, провозгласивший в начале войны единство враждебных групп капитала (Совет организовался в результате слияния прежнего центрального союза германских промышленников и союза индустрии, «Zentralverband der deutschen Industrie» и «Bund der Industrie») перед лицом «интересов родины», теперь активно выступает против закабаления «свободной промышленности» системой «военного социализма» [1]). В этом хоре жалоб на военную систему регулирования, однако, наиболее громки голоса мелкой буржуазии и представителей более раздробленной легкой промышленности. Особенно активную роль в борьбе против государственного регулирования в Германии играл союз саксонских промышленников, об'единявший, главным образом, отрасли легкого машиностроения, текстиля, химической промышленности, в противовес тяжелой индустрии, сосредоточенной, главным образом, на западе и в рейнских провинциях. Синдикус этого союза, д-р Штреземан [2]), создал себе большую популярность пламенными речами и статьями против ужасов «военного социализма».

Приводя все эти примеры борьбы и противоречивости, не изжитых государственной плановой системой регулирования, несмотря на относительно большую силу ее, мы не хотели, однако, сказать, что об'ективно, по техническому уровню развития германской промышленности, плановое регулирование не могло добиться превращения ее в единую гармоническую систему. Достигнутый уровень концентрации и монополистического перерождения делал промышленность Германии, может быть, в большей степени, чем остальных стран Европы, подготовленной к плановому преобразованию. Но для этого в военном хозяйстве отсутствовала другая важнейшая социальная предпосылка,—не был уничтожен ее частно-капиталистический характер. Здесь еще раз находит свое выражение та *граница,* стена, на которую наталкивается всякая

---

[1]) См. „Mitteilungen" за 1917—1918 г.г.
[2]) Нынешний министр иностранных дел.

попытка *плановой организации хозяйства,* замены рыночной стихии сознательным воздействием центрального органа *в рамках капиталистических классовых отношений.*

Второй момент, который не следует упускать из виду при общей оценке единственного в своем роде опыта построения планового хозяйства в рамках капитализма, — это то обстоятельство, что весь процесс развития военной системы протекает на фоне постоянного падения производительных сил, постоянного разорения во имя войны.

При этом, естественно, встает вопрос — за каким же из этих двух моментов следует признать решающее значение в оценке опыта военного регулирования хозяйства. Военная система, как специфический продукт военных условий sui generis, отмирающий вместе с условиями, его породившими, противопоставляется, с другой стороны, оценке ее, как закономерной фазы в исторической эволюции капитализма. Но здесь мы подходим уже к более общему и требующему самостоятельного рассмотрения вопросу об оценке государственного капитализма, как специфической хозяйственной формы.

Е. Хмельницкая